

ЧЕРНАЯ ПТИЦА

SIRIN

18+

Sirin

Черная птица

«Автор»

2026

Sirin

Черная птица / Sirin — «Автор», 2026

Всю жизнь она пряталась — за последней партой, за молчанием, за стеной, которую возводила вокруг себя кирпич за кирпичом, лишь бы никто больше не смог причинить ей боль. К тридцати годам за этой стеной не осталось почти ничего. И однажды ночью она решила, что с неё хватит. Но смерть оказалась лишь дверью. Она открыла глаза в чужом теле — юной принцессы Лилианны, младшей дочери короля. В мире, до боли похожем на сказку из её детства, её ждали роскошные покои, любящая мать и сестра, чьё тепло впервые заставило поверить: здесь она нужна. Только это оказалась не сказка. Здесь её судьба уже расписана: чужое имя, чужая постель и брак с безумным королём, чья одержимость мёртвыми сильнее любой привязанности к живым. В прошлой жизни она привыкла терпеть. В этой — ей снова предлагают стать вещью. Только человек, однажды шагнувший в пустоту, уже знает: хуже смерти бывает жизнь, в которой ты терпишь.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Sirin

Черная птица

Глава 1

Дверь, которая не открылась

Её любимым убежищем всегда была толстая библиотечная книга с потёртым золотым тиснением на обложке. История о непреклонной принцессе-воительнице, которая спасла своё королевство от злых сил. Прячась от реальности, девочка зачитывала эти страницы до дыр. Ей так отчаянно хотелось быть похожей на неё — властной, сильной, абсолютно неуязвимой для чужой злобы.

Но стоило закрыть книгу, как сказка разбивалась вдребезги.

В свои двенадцать лет она не была принцессой. Она привыкла прятаться за последней партой: опускала голову, прятала глаза за длинной чёлкой и кусала колпачок ручки, лишь бы оставаться незаметной. Но сегодня на доске белело криво выведенное мелом слово «Псина», и весь класс украдкой поглядывал то на надпись, то на девочку, ожидая реакции. Она держала спину прямо, но плечи предательски вздрагивали.

Вызванная к доске, она стояла с мелом в дрожащей руке, а сердце колотилось так сильно, что гулко отдавалось в ушах.

— По по — с трудом выдавливала она из себя, чувствуя, как от стыда цепенеет язык, а двадцать пар глаз неотрывно следят за ней.

— Сколько можно, выговаривай, мы же не в первом классе, — произнесла учительница без гнева, но с усталым публичным снисхождением. — Или ты собираешься заикаться до выпускного?

Кто-то несмело хихикнул, следом прыснул другой, и вскоре смех поднялся над партами, как стайка ворон над полем — от одиночных вскриков к общему черному шуму.

— Садись, — отрезала учительница, отворачиваясь к журналу. — Кто следующий? Может, человек, умеющий говорить?

Вернувшись на место, девочка закрылась учебником, пряча пылающие щеки и дрожащий подбородок. Оставшиеся минуты урока тянулись бесконечно: учительница спокойно вела занятие, словно ничего не произошло, а каждый тихий смешок с соседних рядов отзывался у девочки тупой болью под рёбрами.

Едва прозвенел звонок, она быстро сгребла тетради, но не успела даже подняться, как кто-то больно толкнул её плечом. Она споткнулась, едва не выронив книгу.

— Осторожней, а то упадёшь, заика!

Под сдавленное хихиканье одноклассников ей хотелось лишь выскочить в коридор и затеряться в толпе, однако в дверях дорогу преградил Максим — высокий и самоуверенный старшеклассник, который последние несколько недель не давал ей прохода.

— Спешись, тихоня? — насмешливо протянул он.

От резкого торможения она чуть не налетела на его грудь и тут же отшатнулась. За спиной послышались смешки: несколько ребят замедлили шаг, предвкушая зрелище. Максим наклонился так близко, что она ощутила его дыхание у самого уха.

— А что ты сегодня такая тихая? — прошептал он, и вдруг его рука легла ей на плечо, медленно скользя к лопаткам.

Она оцепенела. Тепло чужой ладони сквозь тонкую ткань блузки обожгло, как клеймо. Пальцы Максима сжались на её плече до синяков.

— Отпусти — выдохнула она, но пересохшее горло выдало лишь жалкий, надломленный писк.

Ему нравилось её мучить. Он наклонился ещё ближе и внезапно сказал громко, на весь коридор:

— Неужели ты думаешь, кто-то тебя когда-нибудь полюбит? С таким взглядом, как у забитой мыши?

Вокруг раздался смех — звонкий, безжалостный. У неё потемнело в глазах. Сделав отчаянный рывок, она попыталась вырваться, и на мгновение его рука соскользнула. Но он просто подставил ей подножку. Девочка тяжело рухнула на колени прямо посреди коридора.

Школьная форма запачкалась, колено обожгло болью, но ещё острее резанул по сердцу ликующий хохот вокруг. Глотая подступающие слёзы, она вскочила и, прихрамывая, бросилась прочь.

Вырвавшись из душного здания на улицу, она наконец смогла вдохнуть. Низкие свинцовые тучи грозили мокрым снегом, холодный ветер забирался под куртку, но дышать на свободе было легче. Девочка пересекла пустой школьный двор и свернула в полутёмную аллею, ведущую к заднему входу старого Дома культуры. На втором этаже находилась районная библиотека.

В сумрачном коридоре было тихо, лишь откуда-то снизу доносились приглушённые звуки репетиции. Она поспешила к лестнице. Обеденный перерыв закончился пятнадцать минут назад — спасительная дверь точно должна быть открыта.

Она едва ступила на первый пролёт, когда внизу с грохотом распахнулась входная дверь. Сердце ёкнуло. Тяжёлые, быстрые шаги гулко ударили по ступеням — кто-то внезапно и целенаправленно гнался за ней.

Девочка в панике бросилась вверх, взлетела на второй этаж и с надеждой дёрнула ручку. Не поддалась. Заперто. Библиотека оказалась закрыта.

Глухой тупик. Она замерла перед дверью, судорожно прижимая к груди книгу. Шаги эхом прокатились по пролёту и затихли — преследователь уже поднялся на площадку. Девочка обернулась и увидела тяжело дышащего, но ухмыляющегося Максима.

— Эй, ты чего тут бродишь одна? — протянул он, неспешно приближаясь.

Она попятилась, вжимаясь лопатками в стену. Путь назад был перекрыт, впереди — запертая дверь.

— Б-библиотека закрыта, — пролепетала она, попытавшись протиснуться мимо него.

Но парень резко выставил руку, упершись ладонью в стену. Он нависал над ней. От него пахло тяжёлой смесью дешёвого одеколona и застарелого табака.

— Такая тихоня, а уроки прогуливаешь, — хриловато произнёс он. — Может, не такая уж и пай-девочка?

Его глаза в полутьме блестели хищно. Он протянул руку и коснулся её куртки. Девочка дёрнулась, вжимаясь затылком в холодную стену.

— Чего дёргаешься? — усмехнулся он. Его рука издевательски медленно скользнула выше, к её шее, едва касаясь кожи. От этого скользкого, пугающе ласкового прикосновения у неё по спине поползли мурашки липкого ужаса. Ноги словно приросли к полу.

— Н-не надо — выдавила она тонким, срывающимся голосом. Внутри всё кричало от паники.

Парень шагнул вплотную, его колени почти упирались в её. Свободной рукой он вдруг ухватился за замок молнии на её куртке и потянул вниз. Медленно. Молния с тихим треском разъехалась на несколько сантиметров.

— А что «не надо»? Я ещё ничего не делаю, — прошептал он ей прямо в лицо.

Она судорожно отвернулась, зажмурившись. Щеку обожгло его горячим, спёртым дыханием. Ей казалось, грудная клетка сейчас треснет от сердцебиения. Он провёл пальцем по её волосам, заправляя прядь за ухо — на вид жест будто ласковый, но от этого прикосновения к горлу подступил ком тошноты. Слёзы бессилия вырвались из-под плотно сжатых век и обожгли щёки.

— Боишься? — его шёпот царапнул ухо. — Заика-трусиха

Внезапно снизу, с лестничной площадки, донеслись женские голоса. Две пожилые женщины поднялись на пролёт, негромко беседуя. Девочка распахнула глаза, полные слёз и отчаяния, надеясь на спасение, но женщины лишь скользнули по ним равнодушным взглядом и отвернулись.

Максим досадливо поморщился, и его хватка чуть ослабла. Воспользовавшись этим мгновением, девочка нырнула под его руку и помчалась по коридору. Она летела по ступенькам вниз, не чувствуя ног. На одном из пролётов оступилась, больно ударилась коленом о бетон, но тут же вскочила и побежала дальше.

Она остановилась только в тёмном подъезде собственного дома. Тяжёлая железная дверь захлопнулась, отрезая её от мира. Девочка прижалась спиной к стене, не смея повернуть голову: краем глаза она видела своё расплывчатое отражение в мутном стекле двери. Ей казалось, оттуда на неё смотрит грязное, сломанное существо, не имеющее с ней ничего общего. Она судорожно тёрла шею, заливаясь слезами и прижимая к груди промокшую библиотечную книгу — словно это был её единственный друг, способный защитить от того факта, что её тело теперь принадлежит липкому страху.

Дома пахло жареной картошкой. Мать мельком выглянула с кухни: «Помой руки и за стол». Девочка молча кивнула, пряча красные глаза. За ужином она не проронила ни слова, машинально ковыряясь в тарелке. Внутри всё окаменело.

Отпросившись в свою комнату, она захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Снова судорожно потёрла шею там, где скользнули чужие пальцы, словно пытаясь соскрести с кожи липкий, грязный след. Подошла к зеркалу. Приоткрыла рот, попытавшись сказать своему отражению вслух простое: «Я не боюсь». Вышло лишь жалкое, сдавленное «Я н-не б-б». Она с отвращением отвернулась.

Включив настольную лампу, девочка села за стол. Жёлтый круг света выхватил разбухшую от дождя библиотечную книгу. Она провела ледяными пальцами по обложке, где гордо стояла принцесса-воительница. Не заика. Не трусиха, которую можно безнаказанно вжать в стену грязного коридора.

Она резко придвинула к себе чистую тетрадь и схватила карандаш. Пальцы дрожали так крупно, что графит прыгал по бумаге, оставляя лишь уродливые, рваные линии. Затупленный кончик с сухим треском прорвал тонкий лист. Девочка зажмурилась. Стиснула карандаш обеими руками до побеления костяшек, заставляя себя остановиться. Сделала судорожный вдох. И медленно, с сильным нажимом, вдавливая грифель в страницу, вывела: «Однажды в школе появился монстр»

Дальше рука полетела по бумаге. В этих строках не было заикания. В них чудовище с рёвом врывалось в класс, а обидчики с визгом забивались под парты. Пряталась даже учительница, ещё утром цедившая сквозь зубы своё публичное «вы-говари-вай». А она — вставала. Прямая, спокойная. Взмах руки — и монстр рассыпался пеплом. Грифель летал по страницам, оставляя жирный, чёрный след. Девочка дышала тяжело, почти со всхлипами, выплёскивая на бумагу всю ту глухую ярость и силу, которым не было места в её реальном, забитом теле.

Вечером в дверь позвонили. На пороге стоял соседский мальчишка — её единственный приятель.

— Привет! Я достал тот диск, о котором говорил, — радостно сообщил он.

Обычно она бы искренне обрадовалась: этот мальчишка ей нравился, с ним было просто и безопасно. Но сегодня, после пережитого ужаса, ей хотелось лишь спрятаться от всего мира. Она выдавила слабую улыбку и робко взяла коробку, инстинктивно проследив за тем, чтобы их пальцы не соприкоснулись. Мать, стоявшая позади, нахмурилась:

— Уже поздно. Завтра в школу.

Когда за мальчиком закрылась дверь, мама строго взяла дочь за плечо:

— Слушай меня. Ты ещё ребёнок. Никаких мальчиков, никаких гуляний с ними до восемнадцати лет. Обещаешь?

Девочка посмотрела на встревоженное лицо матери и едва заметно кивнула.

— Обещаю. Мне и не надо.

Мама смягчила взгляд и ласково погладила её по голове. Девочка грустно улыбнулась уголками губ. Ей действительно сейчас ничего такого не хотелось. После того как чужие, грубые руки пытались её тронуть, мысль о любой близости вызывала лишь новый приступ отвращения. Она хотела только одного — чтобы её оставили в покое. Учёба и фантазии были её тихой гаванью, где не было места ни боли, ни страху. В тот вечер внутри неё созрела клятва куда более серьёзная, чем просто обещание маме: никогда не подпускать людей близко. Никому не доверять своё тело. Так было безопаснее.

* * *

Годы шли, выстраивая вокруг неё невидимую, но прочную стену. Девочка выросла в тихую, задумчивую девушку. Одноклассники перестали её травить — подростковая жестокость сошла на нет, да и она мастерски научилась сливаться с обоями.

Единственным другом оставался тот самый соседский мальчик. Он вытянулся, возмужал. Иногда провожал её после школы, и она всё чаще ловила себя на том, что ждёт этих встреч. Она усердно убеждала себя, что это просто дружба, но сердце жило своей упрямой жизнью и предательски замирало, стоило ему улыбнуться.

Если он случайно, в порыве увлеченного разговора, дотрагивался до её руки, она поспешно отстранялась, прячась за неловким смехом, хотя в его теплом касании не было ничего дурного. Помня свою клятву, она гнала чувства прочь. Но по ночам, в спасительной темноте комнаты, она замирала от собственных запретных фантазий: представляла, как он возьмёт её за руку намеренно и посмотрит совсем не по-дружески. Эти мысли пугали её, притягивали, а наутро она жестоко корила себя за эту глупость. Когда же он пропадал на неделю-другую — появились свои дела, новые друзья — внутри поднималась липкая, ревнивая тревога: вдруг у него уже есть кто-то? Вдруг он совсем забудет про неё? Эти мысли она прогоняла чтением, но тоску обмануть не удавалось.

Незадолго до выпускного бойкая одноклассница Аня уломала её пойти на новогоднюю школьную дискотеку.

В старом актовом зале пахло натёртым мастикой дощатым полом, подтаявшей хвоей и сладким лаком для волос. С облупленного потолка свисала самодельная бумажная мишура, а из дребезжащих колонок била по ушам заезженная попса, от басов которой мелко дрожали стёкла в деревянных рамах.

Девушка чувствовала себя абсолютно чужой на этом празднике жизни. В своём скромном свитере она казалась серой тенью на фоне разодетых девчонок — особенно Ани, щеголявшей в блестящем топике, короткой юбке и с вызывающе яркой помадой на губах. Она забилась в самый тёмный угол, вжимаясь в расшатанный стул. В потных руках она нервно мяла липкий пластиковый стаканчик с выдохшимся тёплым лимонадом. Грохот музыки давил на виски, но она терпела. Она сидела здесь только ради одного — украдкой выискивая Его в толпе.

И он появился. Ввалился в зал вместе с клубами морозного пара от входной двери, стряхивая снег со спортивной куртки. Сердце подпрыгнуло к самому горлу, перекрыв дыхание. Он

выглядел повзрослевшим, разумянившимся с холода и до одури привлекательным в мигающем свете дешёвой цветомузыки.

Девушка судорожно сглотнула. Ей отчаянно хотелось встать, сделать шаг навстречу, но ватные ноги не слушались. Он заметил её, подошёл ближе, приветливо улыбаясь. От него повеяло зимней свежестью и мужским дезодорантом.

— Привет! Рад, что пришла. Ты как?

— П-привет — предательская дрожь в голосе снова вернулась, язык словно онемел. Щёки запылали так, что стало жарко. — Всё хорошо.

Его взгляд уже скользнул поверх её головы, сканируя танцующих.

— Ну классно. С Новым годом тебя, если что! — кивнул он.

— И тебя, — тихо ответила она, до хруста стискивая пластик стаканчика.

Ей хотелось сказать ему что-то ещё, спросить, как дела, задержать его хоть на минуту. Но слова застряли в пересохшем горле.

— Слушай, а ты Аньку не видела? — он нетерпеливо переступил с ноги на ногу, наклонившись к ней ближе.

Внутри всё оборвалось. Сердце болезненно сжалось, рухнув куда-то в живот.

— Она где-то танцует.

— Спасибо, пойду поищу. Увидимся! — бросил он и тут же скрылся в толпе, двинувшись к центру зала.

Она проводила его взглядом. Конечно. Он пришёл не за ней. Аня весь вечер крутилась там, у колонок, смеясь и стреляя глазами на дверь. Бойкая одноклассница прекрасно знала о её тайных чувствах, но легко переступила через них. Ей просто нужна была «тихая страшненькая подружка» для фона и удобный предлог, чтобы этот парень пришёл на школьную ёлку.

Музыка грохотала, цветные блики били по глазам, вокруг визжали и смеялись, а она сидела одна, сгорая от невыносимого стыда и обиды. В груди разливалась свинцовая тяжесть.

Оставив смятый стаканчик на подоконнике, девушка выскочила в раздевалку, накинула пальто и выбежала на крыльцо школы прямо в ледяную метель.

Пока она шла домой сквозь пургу, снег лип к волосам, но она не чувствовала холода. Внутри всё выгорело. Она чувствовала себя пустым местом, тенью на празднике жизни других людей. В ту ночь она впервые ясно осознала: «Никому я не нужна... Никогда не была нужна». И возвела стену вокруг сердца ещё выше.

* * *

Десять лет стекли по мутному стеклу зеркала. Время шло мимо: сокурсницы выходили замуж, коллеги уходили в декрет, а она застыла в одной точке. Каждое утро она смотрела в своё отражение и видела там постороннюю, пустую женщину. Механически рисовала ей лицо, тренировала безопасную полуулыбку и отправлялась отбывать очередную смену своей стерильной жизни. К тридцати годам глухая пустота стала невыносимой.

Когда на её безрадостной службе появился новый человек — обычный, вежливый, ничем не примечательный мужчина — она приняла решение. Это был холодный, отчаянный план спасения. Пора стать как все.

Но чем больше они общались, тем сильнее ей начинало казаться, что это не просто план. Ей нравилось, как он улыбается и слушает её. Она ловила себя на том, что ждёт утра, чтобы увидеть его на работе. Возможно, это была симпатия — та самая, которой она зареклась не поддаваться.

Она чувствовала: вот он, шанс. Может, на этот раз получится довериться? Первый раз поцеловала его она, первый раз взяла за руку его она. Позволила себе шагнуть через страх, хотя сердце бешено стучало от тревоги и волнения. Его рука была тёплой, и от этой теплоты лёд в её груди чуть подтаял.

Спустя какое-то время они оказались вечером у него дома, пили вино и смотрели фильм. Она знала, к чему всё идёт – он всё явственнее показывал, что желает её. И она тоже хотела – по крайней мере, умом. Ей было уже тридцать, и она была готова попробовать стать счастливой, как все.

Но когда он навис над ней, тело мгновенно вспомнило всё. Воспоминания ударили наотмашь: школьный коридор, грубые скользкие пальцы, насмешливый шёпот у самого уха. Чужой голос внутри шипел, что никто и никогда её не полюбит, что её телом просто пользуются. К горлу подкатила тошнота. Она закрыла глаза и усилием воли попыталась вырвать себя из этого наваждения. Это не тогда, это не тот человек. Этот — хороший, он не причинит боли, твердила она себе, до побеления впиваясь ногтями в ладони

«Терпи, — приказала она себе, до побеления впиваясь ногтями в ладони. — Ты сама этого хотела. Так живут нормальные люди».

Он целовал её не осторожно, но ласково. Она пыталась расслабиться и ответить, но ощущала, что её губы деревенеют от неумения. Казалось, она наблюдает за собой со стороны: вот, сейчас с ней происходит то самое, чего она боялась всю жизнь.

— Ты такая напряжённая... Всё нормально? — тихо спросил он, заглядывая ей в глаза.

Она усилием выдавила улыбку:

— Да, всё хорошо. Просто я... просто нервничаю.

Он, видимо, что-то заподозрил.

— Ты раньше... — Он запнулся, подбирая слово. — У тебя ведь не было такого опыта, да? Лицо её запылало. Она опустила глаза, чувствуя себя неловко.

— Не было, — призналась она почти неслышно. — Я... прости.

— Слушай, как ты умудрилась дожить до тридцати и всё ещё... ни с кем?

Ей вдруг стало стыдно до слёз. Такой вопрос больно ударил: словно с неё сорвали покров и разглядывали под странным углом. Она не знала, что ответить. Как объяснить десятилетия страха и одиночества?

— Да какая разница... — пробормотала она, судорожно отводя взгляд. — Просто ждала, пока влюблюсь, наверно. Сначала учёба, потом работа... — Она оборвала себя, чувствуя, что несёт какую-то чушь.

Он не стал дальше спрашивать. Кажется, ему и не было интересно. Поцелуями он заставил её замолчать. Он не был жесток. Он просто ничего не замечал.

Она словно ломала себя об колено. Каждое ласковое прикосновение откликалось не возбуждением, а неприятным щекотным чувством — как будто её гладит кто-то чужой. Она была абсолютно сухой, сомкнутой, закрытой наглухо. Когда он попытался войти, боль прошла низ живота ослепительной иглой.

— Расслабься, — пробормотал он, наваливаясь тяжелее.

Она попыталась. Честно попыталась приказать непослушным мышцам расступиться, но плоть кричала от ужаса, отказываясь принимать чужака. Очередной толчок — и она не выдержала, глухо вскрикнув. Внутри что-то с треском лопнуло. Острая, разрывающая боль затмила зрение.

Она больше не пыталась расслабиться. Она просто терпела, прокусив губу до солоноватого вкуса крови, пока он с силой пробивался сквозь неё. Каждый его рывок вколачивал её в обивку дивана, разрывая её собственное, выстраданное тело. Это не было актом любви. Это была экзекуция, приговор к которой она подписала сама. Какое-то изнасилование с её собственного согласия.

Когда он наконец затих, тяжело дыша, между её бёдер расплывалось липкое горячее пятно. Он молча отстранился, поднялся и ушёл в ванную. Она осталась лежать, свернувшись в дрожащий комок, уставившись в стену остекленевшими глазами. Она попыталась сломать свою стену, но за ней ничего не оказалось — только боль, пустота и унижение.

Он вернулся через пару минут, на ходу застёгивая джинсы. Бросил быстрый, неприятно-брезгливый взгляд на испорченную обивку дивана, затем на неё. В его глазах не было ни вины, ни нежности — только неловкое, суетливое раздражение.

— Слушай, мне завтра рано вставать, — глухо сказал он, старательно избегая смотреть ей в лицо. — Я вызвал тебе такси. Оно уже подъезжает.

Она молча натягивала одежду немеющими, трясущимися пальцами. Каждое движение отдавалось пульсирующей, режущей болью. Он даже не попытался помочь или обнять — просто стоял в прихожей, переминаясь с ноги на ногу и держа её пальто, всем своим видом торопя её к выходу.

— Позвоню завтра, — дежурно бросил он и поспешно захлопнул дверь, едва она переступила порог подъезда.

Домой она ехала одна. Сжавшись в комок на заднем сиденье такси, она смотрела в чёрное окно, физически ощущая, как липкая влага пропитывает бельё.

Утром каждый шаг отдавался режущей болью. Кровь продолжала сочиться, и сидеть в очереди к врачу было мучительно. В холодном смотровом кабинете она снова оказалась распятой — теперь уже на скрипучем кресле, под слепящей лампой, бьющей прямо между разведённых ног. Холодный металл расширителя скользнул внутрь, и она глухо застонала, вцепившись побелевшими пальцами в поручни. Боль была обжигающей.

Врач с тихим вздохом вынула инструмент и со щелчком стянула испачканные перчатки.

— У вас серьёзный разрыв, — сказала доктор, бросив перчатки в лоток. Она смотрела сочувственно, но очень внимательно. — Повреждения характерны для грубого насилия. Скажите честно мне нужно зафиксировать травмы для полиции?

Девушка закрыла глаза, желая провалиться сквозь холодное кресло.

— Нет. Не нужно. Это я сама согласилась.

Врач тяжело вздохнула. Как специалист, она всё поняла.

— Партнёру стоило быть гораздо деликатнее.

Девушка ничего не ответила, продолжая безжизненно пялиться в слепящую лампу на потолке. Ей не хотелось объяснять свою чудовищную ошибку.

— Как скоро это заживёт? — спросила она бесцветным голосом, сползая с кресла и натягивая бельё немеющими пальцами.

— Пару недель придётся обрабатывать. Воздержитесь от контактов. Впрочем, — доктор с жалостью покачала головой, выписывая рецепт, — вам сейчас вряд ли захочется. И знаете с нормальным, любящим человеком так быть не должно. Вам просто очень не повезло.

«Не повезло». Она горько усмехнулась, выходя из клиники.

Две недели превратились в сплошную, тягучую рану. Бездушный аппарат на тумбочке периодически оживал, дребезжа в тишине. В темноте вспыхивало его имя. Первые два раза она заставляла себя ответить и слушала торопливое, неловкое бормотание. Мужчина скомкано извинялся, пытался перевести всё в разряд досадной случайности, словно просто наступил ей на ногу в автобусе. Она молчала в трубку, глядя в стену. Ей нечего было сказать. Вскоре он звонить перестал.

На исходе второй недели ей позвонила мать. Это был обычный воскресный звонок, в трубке бодро трещал телевизор. Мать жаловалась на цены, на скачущее давление, а потом, как бы невзначай, упомянула соседку:

— А у тёти Вали внук родился. Третий уже. Валя всё жалуется, что устаёт, а сама так и светится А ты всё сидишь? Хоть бы в кино сходила, развеялась. Годы-то идут, кому ты потом нужна будешь?

Девушка до боли сжала телефон онемевшими пальцами. Ей отчаянно хотелось закричать: «Мама, мне больно! Меня разорвали изнутри, я истекаю кровью и грязью, спаси меня!»

Но она лишь сглотнула сухой, колючий ком в горле:

— Мам мне очень плохо.

— Опять твоя хандра? — голос матери мгновенно утратил бытовую теплоту, став глухим и раздражённым. — Хватит придумывать себе болезни. Займись делом, мужика найди нормального. Никому твои кислые мины не нужны. Ладно, у меня сериал начинается, пока.

Короткие гудки ударили по ушам.

Никому не нужны.

Эта фраза ещё звенела в душном воздухе спальни, когда телефон снова завибрировал. На часах было начало третьего ночи. Она ответила на автомате, прижав холодный пластик к щеке.

Из динамика пополз тяжёлый, неповоротливый язык. Голос мужчины был вязким от алкоголя и пропитанным густой, едкой злобой.

— Слушай Чего мы как эти — слова слипались в грязный ком. — Месяц вокруг тебя скакал. Разговоры разговаривал А до дела дошло — ты бревно бревном.

Она не пошевелилась. Лежала в темноте, уставившись в потолок, и слушала, как её распинают во второй раз.

— Лежишь, скулишь — пьяно усмехнулся он. — Я что, зря столько времени на тебя убил? Все вы женщины одинаковые. Строите из себя недотрог, а внутри — мертвечина. Фригидная кукла.

Она не стала сбрасывать вызов. Просто медленно отвела руку и опустила телефон на одеяло. Из динамика сочилась пьяная, агрессивная грязь, смешанная с фоновым шумом улицы, пока связь не оборвалась сама.

Тишина обрушилась на неё бетонной плитой. Слова матери и пьяный бред мужчины сплелись в один удушливый узел. «Никому твои мины не нужны». «Фригидная кукла». Всё было правдой. Она действительно была ничем. Бракованным механизмом, разочарованием для матери, обузой для врачей, куском бесчувственного мяса для случайного мужчины. Если она сейчас просто исчезнет, мир не изменится. Никто не придёт её спасать.

Она медленно сползла с кровати. Ноги казались чужими, ватными. В ванной она щёлкнула выключателем. Люминесцентный свет ударил по глазам. Оттуда, из мутного зеркала, на неё смотрела посторонняя женщина с заострившимися чертами лица и мёртвыми, как два куска серого стекла, глазами. Девушка приложила ладонь к холодной амальгаме. Под пальцами ничего не дрогнуло. Связь с собственным телом окончательно разорвалась — внутри было абсолютно тихо и стерильно.

Она отвернулась от зеркала и побрела обратно в комнату, не зажигая света. Подошла к окну, бездумно прижавшись лбом к ледяному стеклу. Внизу, в жёлтом круге фонаря, стояли двое. Парень что-то увлечённо говорил, а потом резко, одним движением, сгреб девушку в охапку. Та рассмеялась, запрокинув голову, и он поцеловал её — жадно, живо, абсолютно естественно. Они дышали одним ночным морозным воздухом, связанные невидимой нитью. Женщина у окна смотрела на них не с завистью, а с глухим, парализующим осознанием: она наблюдает за чужой жизнью из стеклянного гроба. Для неё этой опции не существует.

Она отшатнулась от подоконника. В тёмном углу спальни громоздилось старое мамино пианино. Полировка давно потрескалась, а клавиши пожелтели, как зубы мертвеца. В детстве она до слёз умоляла отдать её в музыкальную школу, мечтала извлекать из этого тяжёлого ящика красоту, но мать только отмахивалась: «Медведь на ухо наступил, только деньги на ветер». Девушка подошла и нерешительно, одним пальцем, нажала на клавишу. Инструмент издал жалобный, расстроенный стон. Она нажала вторую. Третью. Медленно, сбиваясь, она наиграла примитивную мелодию — единственное, что смогла подобрать сама за все эти годы. Фальшивый, убогий звук повис в воздухе. Слёзы, которые не шли у зеркала, вдруг прорвались. Горячие, удушливые слёзы бессилия потекли по щекам. Мечта, которую ей даже не позволили попробовать осуществить. Она с размаху ударила кулаками по клавишам. Диссонансный грохот резанул по ушам и растворился в тишине.

На письменном столе стопками лежали её рисунки и исписанные тетради. Её «тихая гавань». Попытки сбежать в выдуманные миры. Она схватила верхний лист — недавний акварельный пейзаж. Блёклые, размытые пятна. Уродливая мазня. Такая же жалкая, бракованная и никому не нужная, как она сама. Творчество не спасло её, не вылечило, не сделало целой. Сцепив зубы до скрежета, она скомкала плотную бумагу. Затем схватила целую стопку эскизов и принялась рвать их пополам. Плотные листы сопротивлялись, резали края пальцев, но она рвала их с остервенением, с глухим, почти звериным хрипом. Она уничтожала свои фантазии, свои непрожитые жизни, превращая их в мусор. Клочки разлетались по полу, оседая на ковре белым мёртвым снегом. Когда стол опустел, она тяжело осела на пол среди обрывков бумаги.

Мысли глухо стучали: «Всё равно нет никому до меня дела. Никто не любит. И я тоже не могу любить».

Всё было кончено. В ней ничего не осталось.

Она поднялась, прошла на тёмную кухню. Достала из шкафчика картонную коробку с горькими белыми пилюлями — её единственным, химическим забвением. Выдавливает таблетки по одной было слишком долго. Она рвала фольгу блистеров ногтями, вытряхивая белые кругляши прямо на столешницу. Руки действовали чётко, механически. Сгребла всю горсть — штук тридцать или сорок, не считая — и закинула в рот.

Сухой, химический мел мгновенно обжёг язык и прилип к нёбу. Она поперхнулась, судорожно глотнула воду прямо из-под крана, проталкивая этот горький ком в горло. Вода потекла по подбородку, заливая ворот футболки.

Вернувшись в постель, она легла на спину и сложила руки на груди. Ей не хотелось умирать в глухой тишине, наедине с собственными мыслями. Рука сама потянулась к телефону, лежащему на одеяле. Она бездумно смахнула уведомления, и из пустоты полился гладкий, ничего не знающий о настоящей боли голос.

Лощёный эксперт по чужим душам смотрела прямо в камеру и говорила спокойным, поставленным голосом:

«Иллюзия, в которой живет современный мир, звучит так: Всё равно никому до меня нет дела“. Но пока ты стоишь за своей каменной стеной, никто даже не знает, что ты там есть. Вы боитесь боли и решаете недолюбить, чтобы не страдать»

Голос из динамика ввинчивался в мозг, как сверло. Незнакомка с экрана вскрывала её жизнь с пугающей точностью.

«Но это не спасает, — продолжал телефон. — Вы всё равно пострадаете, просто лишите себя самой жизни».

Слова ударили наотмашь. Всю свою жизнь она пряталась. Выстроила бетонную стену, убила в себе все чувства, чтобы никто больше не мог причинить ей боль. И что в итоге? Боль всё равно нашла её. Разорвала её плоть на дешёвом диване, растоптала её душу словами родной матери. Она не спаслась от страданий. Она просто сгнила заживо, в абсолютном, добровольном одиночестве.

Желудок свело резкой, болезненной судорогой. Яд начал всасываться в кровь. К горлу подступил ком густой, кислой тошноты. Тело, поняв, что его убивают, забилося в первобытной панике. Сердце вдруг сорвалось с ритма, застучав тяжело, вразнобой, отдаваясь гулким набатом где-то в висках.

Она попыталась перевернуться на бок, чтобы её стошнило, но мышцы уже не слушались. Конечности налились свинцом, словно её придавило бетонной плитой. По спине и шее градом покатился ледяной, липкий пот. Воздух в комнате внезапно стал густым и горячим, его не хватало. Она судорожно ловила его ртом, но лёгкие отказывались расширяться.

Это не было мирным засыпанием. Это была грязь, мерзость и животный ужас. Её парализовало, а внутри всё горело от химической отравы. Голос незнакомки из выпавшего аппа-

рата начал искажаться, замедляться, растягиваясь в жуткий, демонический гул: «лишиииииите сееебя жиииизниии».

Комната поплыла, теряя очертания. На периферии зрения закрубились чёрные тени. Чудовищная тошнота разрывала пищевод, но она не могла даже пошевелить челюстью, захлёбываясь собственной слюной и горечью нерастворённого мела.

Тьма в углах спальни сгустилась, хлынула на кровать и внезапно превратилась в ледяную, чёрную воду. Вода сомкнулась над её лицом.

Это не был сон. Это была агония. Она тонула. Ледяная жижа заливалась в открытый рот, обжигая трахею, заполняя лёгкие. Она инстинктивно рванулась, пытаясь выплыть, пытаясь закричать, но из горла вырвался лишь жалкий булькающий хрип. Лёгкие разрывались от невыносимого жжения. Грудь сдавило так, словно ей раздавили рёбра.

«Я не хочу! — забила последняя, отчаянная мысль. — Пожалуйста, я не хочу!»

Она дёрнулась в последний раз, захлёбываясь чёрной пустотой, и сознание окончательно лопнуло, как пузырь воздуха на глубине.

* * *

Тяжёлый вдох разорвал лёгкие.

Она резко распахнула глаза и судорожно втянула воздух, давась кашлем.

Вместо потолка своей спальни она увидела тяжёлый тканевый полог. Вместо тошнотворного запаха химических таблеток в нос ударил резкий, густой дух целебных трав, воска и застарелого пота.

Тело горело. Каждую кость ломило так, будто её переехали грузовиком. Она попыталась приподняться и поняла, что лежит на влажных простынях.

— Ваше Высочество, Вы очнулись? — раздался совсем рядом взволнованный, дрожащий голос.

Она с трудом повернула голову. Возле огромной резной кровати суежилась женщина в нелепом длинном платье и белом чепце. Она поспешно отжимала кусок льняной ткани над медным тазом. Колеблющийся свет свечей выхватывал из полумрака каменные стены, выцветшие гобелены и массивный очаг. За окном не было слышно гула проспекта — только монотонный шум дождя по карнизу и шелест листвы.

Она медленно, преодолевая дикую слабость, опустила взгляд. Поверх расшитого одеяла лежали чужие руки. Не её бледные, привычные кисти с короткими ногтями, а тонкие, изящные пальцы.

Сердце, которое ещё минуту назад останавливалось от передозировки, вдруг забилось ровно и сильно.

— Где я? — хрипло выдавила она. Голос был другим — непривычным.

Служанка всплеснула руками, роняя мокрую ткань обратно в таз.

— В своих покоях, принцесса! Слава богу, жар спадает Я немедленно позову лекаря!

Принцесса?

Слово ударило в мозг, разорвав остатки мутной пелены. Перед глазами яркой вспышкой возникла разбухшая от дождя картонная обложка старой библиотечной книги из детства. Той самой, где безжалостная принцесса-воительница железной рукой вытаскивала своё королевство из пепла.

«Это невозможно» — только и успела подумать она. Настоящая паника, чистая и кристальная, накрыла её с головой, прежде чем измученное чужое тело снова провалилось в спящее забытие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.